

ДОРОГА В ТРИДЕСЯТОЕ ЦАРСТВО

Славянские
архетипы
в мифах
и сказках

Александра Сергеева

УДК 159.964
ББК 88.6
С32

Сергеева Александра

С32 Дорога в Тридесятое царство: Славянские архетипы в мифах и сказках / М.: ООО Книжное издательство «София», 2016. — 368 с.

ISBN 978-5-906791-80-1

Эта книга приглашает читателя совершить путешествие в Тридесятое царство — в ту далекую страну нашего бессознательного, где хранится разгадка тайны «загадочной русской души». При помощи юнгианского толкования славянских былин и сказок мы попробуем выяснить, почему живем зачастую вовсе не так, как хотелось бы, почему порой тоскуем и бездействуем, вместо того чтобы радоваться и активно творить свою жизнь по собственному разумению. А также отыщем лекарства для древней языческой души, рецепты которых наши предки «зашифровали» специально для нас в сказках и преданиях.

УДК 159.964
ББК 88.6

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Предисловие	5
Введение	6
Часть I. Снаряжение в дорогу.	11
Глава 1. Одна на миллион или одна из миллионов?	12
Глава 2. Уменьшиться, чтобы повзрослеть	24
Глава 3. Комплекс. Камень на распутье	40
Глава 4. Герой.	67
Глава 5. Тень	87
Глава 6. Персона	115
Часть II. На реке Смородине	155
Глава 7. Та, что знает.	156
Глава 8. Яга-Похитительница	168
Глава 9. Яга-Наставница	179
Глава 10. Яга-Пожирательница.	198
Глава 11. Яга-Воительница	217
Глава 12. Яга-Дарительница	235
Глава 13. И наконец, подарки!	250
Часть III. На Калиновом мосту. Битва с Кощеем	265
Глава 14. Кощей Безжизненный	266
Глава 15. Рождение Кощея	281
Глава 16. Приготовления к поединку	293
Глава 17. Пленить Хищника.	321
Глава 18. Смерть Кощея	343
Послесловие	356
Примечания	357
Литература	363

ОТ АВТОРА

Прежде чем Читатель примет решение о том, уделить ли время прочтению этой книги, я должна внести ясность по некоторым вопросам. Во-первых, я не историк. Поэтому никакого особого, нестандартного видения истории Руси-России я не предлагаю, да и не могу предложить. В книге мне порой приходится оперировать историческими фактами, ибо психологию как индивида, так и этноса невозможно изучать в отдельности от реалий, с которыми им пришлось столкнуться в ходе своего развития. В этих вопросах я полагаюсь исключительно на труды крупнейших историков — Н. М. Карамзина, Л. Н. Гумилева, Н. И. Костомарова и прочих авторов, почитаемых классиками отечественной истории.

Во-вторых, я не фольклорист; несмотря на то что в данной книге я опираюсь на работы А. Н. Афанасьева, Б. А. Рыбакова, В. Я. Проппа и других признанных ученых, былинный и сказочный материал для меня интересен в первую очередь не с точки зрения изучения «исторических корней», а как символическое описание психологических сценариев восточнославянской души.

В-третьих, я не являюсь ни воинствующим славянофилом, ни чего-либо-фобом, ни вообще приверженцем какой-либо идеологии. И как человеку, и тем паче как психологу, мне в равной мере чуждо как национальное самовозвеличивание, так и самоуничижение.

Своей задачей как аналитика-юнгианца при изучении мифологического материала я вижу вычленение и описание устойчивых паттернов, особой архетипической констелляции в душе человека, принадлежащего к восточнославянскому этносу. Основной вопрос, который ставится в этой книге, — это влияние архетипического наследия предков на жизнь моих современников-соотечественников.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русь — третий Рим, Второй Царьград. Однако много ли в нас греческой или романской крови? Ощущает ли себя хоть один русский потомком византийцев? Ничуть не бывало! Душа этноса обретает свои неповторимые черты на заре существования, так же как и психика отдельного человека выстраивает фундамент будущих взаимоотношений с миром в самые ранние годы жизни. Язычество является колыбелью любого этноса. Период раннего детства — то время, когда законы мироздания усваиваются на внелогическом уровне, а любой хоть сколько-нибудь удачный опыт переходит в разряд устойчивых сценариев, автоматически срабатывающих каждый раз в любой похожей ситуации. Поэтому, какому бы богу мы ни поклонялись, достигнув зрелости, во что бы ни веровали, будь то христианство, ислам или научный прогресс, — в глубине бессознательного наша душа всегда остается язычницей.

Да, многое из того, что сложилось в ранний период нашей жизни не самым лучшим образом, впоследствии можно исправить. Но для этого нужно вспомнить, с чего все началось...

ВВЕДЕНИЕ

С незапамятных времен главной мечтой человечества является обретение бессмертия. Но задумывались ли мы о том, что вечная жизнь и так дарована нам Природой? Каждый из нас, в определенном смысле, пребывает на этой земле вечно — с самого зарождения всего живого — и будет здравствовать до скончания веков. Бренным гостем в этом мире является лишь крошечный островок целостной души, живущей вне пространства и времени, наше Сознание — осмысление и ощущение самое себя в текущий момент. Это утверждение отнюдь не причудливая игра воображения и не вычурная фигура речи, вписанная мною ради красного словца. Даже если на короткое время отвлечься от вопросов духовности и посмотреть на человека с точки зрения физиологии, и в этом случае мы все как один являемся своего рода «Дунканами Маклаудами».

Все просто: телесно мы «начались» с маминной яйцеклетки и папиного сперматозоида, то есть еще до своего рождения. Выходит, даже физиологически мы были обусловлены (и существовали!) задолго до того, как о нас вообще впервые кто-то задумался. Наши родители были «сделаны» из клеток бабушек и дедушек; те, в свою очередь, созданы из генетического материала прабабушек и прадедушек, а они появились на свет из соединения гамет тех, чьи имена мы давно позабыли. И так в глубину веков, до первых *Homo Sapiens*, до приматов, до водорослей, которые около двух миллиардов лет назад зародились в океане. Каждый из нас — это музей эволюции, хранилище бесценной коллекции генов, которые прошли всю историю Жизни и содержат информацию обо всех стадиях ее развития.

Но человек — это не только биологический вид, набор химических элементов, «форма существования белка». Эволюция человека — это еще и история духовного становления. Точно так же как наша ДНК содержит историю *физиологического* развития вида, наше бессознательное является хранилищем всего *психического* опыта человечества*.

Годовалому ребенку не нужно заново изобретать способ прямохождения, он точно так же встает на ножки и идет, как миллионы детей делали это до него, сотни тысяч детей делают вместе с ним, и миллиарды малышей будущего отправятся познавать трехмерное пространство тем же образом. Ровно в той же

* «Человеческое тело представляет собой целый музей органов, каждый из которых имеет за плечами длительную историю эволюции, — нечто подобное следует ожидать и от строения разума» (Юнг К. Г. Аналитическая психология. Тавистокские лекции... С. 317)¹; «Безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума точно так же, как и строение нашего тела восходит к общей анатомической структуре млекопитающих» (Юнг К. Г. Человек и его символы... С. 113)². — *Здесь и далее прим. авт., если не указано иначе.*

степени нам не нужно изобретать собственные уникальные способы заводить друзей и рвать связи, флиртовать и отвергать, сочувствовать и злорадствовать, отстаивать свои взгляды и безропотно уступать, мужественно сражаться и трусливо прятаться, строить карьеру и создавать уют в доме. Все эти навыки мы черпаем из коллективного бессознательного, где содержится все духовное наследие человечества, возрождаемое каждый раз заново в структуре каждой отдельной личности.

Наследственные элементы психики именуются *архетипами* (от греч. *arche* — «начало» и *typos* — «образ», «оттиск»). Их духовное, понятийное, символическое и аффективное содержание не имеет источника в отдельной личности. Они несут в себе свойства всего человечества как единого целого. Любая ситуация, однажды имевшая место в этом мире, а затем повторившаяся еще сколько-то раз в силу своей жизнеспособности, становится архетипической, то есть запечатлевается оттиском в структуре человеческой души для всех последующих поколений. Архетипы проявляются в сознании как образы или идеи, могут значительно варьироваться в деталях, однако не теряют при этом своей базовой схемы.

Архетип в действии можно сравнить с джинном, вырвавшимся из бутылки (да не смутит читателя появление арабского персонажа в книге о славянской душе, ибо невозможно рассматривать отдельный этнос вне связи с другими культурами). Есть две версии происхождения слова *джинн*: от латинского *genius* («дух» как невещественное начало) и от арабского *иджтинан* («скрытность», «невидимость», «сокрытие») — так назывались сущности, созданные из чистого бездымного пламени, не воспринимаемые ни одним из пяти органов чувств, однако имеющие способность вмешиваться в человеческую жизнь и управлять ею. Учитывая широко распространенную ныне гипотезу о существовании некоего общего праязыка, объединение двух разных основ как раз и приближает нас к пониманию архетипа.

У джинна-архетипа, как и у Бога, нет иных рук, кроме человеческих. Воплощаясь каждый раз в новой жизни, он представляет собой паттерн — типическую модель поведения или типический сюжет. Такие сюжеты в обычной жизни имеют место каждый день, они описываются в литературе, повторяются в мифах, былинах и сказках. С каждым новым воплощением архетип обретает все большую мощь и влияние на человеческий род. Это происходит по простейшему принципу: «чаще случается то, что случается чаще».

У архетипа нет не только рук, но и лица. Его невозможно распознать с первого взгляда, он никогда не представится, не постучится учтиво в дверь нашего сознания. Напротив, он врывается в жизнь как ураган, как некое безотлагательное требование. Более того, мы в большинстве случаев и не заметим присутствия незваного гостя и, как сформулировал Булгаков устами Воланда, будем наивно полагать, что это мы сами так с собственной жизнью управились, повинувшись неотвратимым обстоятельствам.

Однако люди с незапамятных времен замечали, что в жизни существуют силы и закономерности, неподвластные не только воле, но и пониманию. И дабы незнакомое на индивидуальное психическое содержание не было таким ужасным, человечество испокон веков пытается его описать, придать ему тот или иной зримый образ. Именно этому побуждению мы обязаны появлением всех видов искусств — от устно пересказываемых былин и сказок древности до современной кинематографии. Все они используют метафоры для описания архетипических столкновений.

Современный человек продолжает оставаться мифотворцем в не меньшей степени, чем его предки из далеких времен. Мы вновь и вновь разыгрываем извечные сюжеты, основанные на архетипических сценариях. Могут меняться детали, декорации, состав действующих лиц, но сама фабула остается неизменной. Вспомним, например, странный брак чудака-профессора, изобретателя машины времени, и неверной красавицы из булгаковского «Ивана Васильевича». Он в точности повторяет сценарий супружеских отношений Гефеста и Афродиты — самого первого в мире изобретателя, хромого звероподобного кузнеца, и наипрекраснейшей из всех богинь, окруженной многочисленными любовниками, главный из которых — воинственный Арес. Из детства же мне вспоминается первая модница нашего двора, необыкновенная красотка Вика.

Слухи о ее любовных похождениях с молодыми лейтенантами вызывали соседское негодование, а брак с тщедушным, колченогим Колей, талантливым мастером, которому весь двор носил в починку магнитофоны, телевизоры и радиоприемники, — удивление и даже своего рода сочувствие. Так советские люди 1980-х годов, слыхом не слыхавшие ни о Гефесте, ни об Аресе, да навряд ли и о самой Афродите, в точности разыгрывали сценарий греческой «божественной трагикомедии», насчитывающей три тысячи лет.

Каждая человеческая душа является миниатюрной копией макрокосма со всеми богами и демонами, злодеями и героями, колдунами и волшебниками, когда-либо описанными человечеством. Никто не сможет воплотить в одной жизни и крошечной доли всего психического наследия мира, но каждый из нас имеет заранее отлитые формы, которые при определенном стечении обстоятельств заполняются нашей жизненной энергией — *либидо*, — и тогда мы превращаемся из авторов собственной судьбы в актеров, проигрывающих одни и те же извечные пьесы. И чем талантливее наша игра и громче овации, тем больше мы поглощены архетипическим содержанием, а следовательно, тем меньше наша индивидуальность, тем меньше в нас самих себя. К слову, на Руси актеров хоронили за пределами кладбища наряду с самоубийцами. Языческая традиция объясняла это тем, что лицедей на сцене живет чужой жизнью, а стало быть, отказывается от собственной, что дарована Всевышним, и тем самым лишается души.

Может сложиться впечатление, что раз уж на каждом шагу нас поджидают архетипические ловушки, то в мире, где все давно уже свершилось, человеческой уникальности вообще нет места. Тем не менее это не так. Джинн (а также Баба-Яга, Леший, Водяной и любой другой дух-архетип) бывает не только враждебным и коварным, но и благодетельным, если не злоупотреблять его помощью, а, воспользовавшись его могуществом, дальше опираться на собственные ресурсы и следовать своим истинным стремлениям. Попытки эксплуатировать волшебное существо после выполнения трех желаний, как мы помним из сказок, приводят Героя к большим бедам.

Воплотить в своей душе некий архетип осознанно, не заигрываясь и не отождествляясь с ним, означает приобрести собственную уникальную возможность контактировать с внешним миром при помощи даруемых им ресурсов. Если человек идентифицируется, скажем, с архетипом Героя, то есть неуклонно следует героическому паттерну, ему не остается ничего другого, как умереть в молодом возрасте. Старых героев не бывает! И так происходит со всеми, будь то Александр Македонский или Александр Матросов, новгородский былинный Василий Буслаев или троянский мифологический Ахилл. Однако, если вовремя остановиться, поблагодарить героический архетип за завоеванные территории и, опираясь уже на другие силы, перейти к их возделыванию, происходит превращение воина в мирного правителя, отца семейства, мудреца и учителя.

Как только человек понимает, что находится в архетипическом паттерне, он тотчас получает шанс выйти из него, да еще и прихватив с собою бесценный опыт и волшебные дары. Об этом рассказывается в самых разных сказках: Марья-искусница, зачарованная Водокрутом, Кай, околдованный Снежной королевой, Неумойка, находящийся на службе у черта, обретают возможность выбраться на волю в тот же миг, как только вспоминают, кто они на самом деле, кто их родные и где их настоящий дом.

Сочиняя мифы и сказки, люди пытались узаконить собственные, не поддающиеся простому объяснению, психические порывы. Творчество начинается там, где заканчивается логика. Когда невозможно ответить на вопрос «почему», придумывается сказка, пишется пьеса или симфония, в руках появляются краски и кисть.

Изучение мифов и сказок для аналитического психолога означает то же, что для врача постижение анатомии и физиологии. Кроме того, исследование опыта предков дарит нам возможность развить интуицию — то самое «шестое чувство», которое позволяет узнать о присутствии джинна-архетипа в нашей жизни. Мы можем научиться слышать его шаги, изучить его повадки и предугадывать намерения. Тогда мы будем осведомлены о той цене, которую придется заплатить за его услуги, и тем самым убережемся от «сделок с дьяволом», когда платой за сиюминутную выгоду оказывается собственная душа, любимое

дителя или же, в лучшем случае, «фунт плоти», но герой узнаёт об этом, увы, слишком поздно.

Архетип невозможно ни обмануть, ни приручить; с ним нельзя ни подружиться, ни подчинить его своей воле, но можно разведать его тайные тропки и лазейки, изучить его уловки и ухищрения, тем более что они довольно стереотипны. Тогда мы не только обезопасим себя от нечестных сделок, но и обретем драгоценное знание о законах собственной души, чудодейственные средства для ее излечения, а также безграничный выбор способов воплощения своей уникальности.

Часть I

СНАРЯЖЕНИЕ В ДОРОГУ

ОДНА НА МИЛЛИОН ИЛИ ОДНА ИЗ МИЛЛИОНОВ?

Чей ты будешь, мил человек, и как тебя звать?

Свою работу в качестве архетипического психолога я начала с проведения терапевтических групп для женщин, теоретической базой для которых служили мифы Древней Греции. Такой выбор был обусловлен, во-первых, широким освещением греческих мифологем аналитиками-юнгианцами, а во-вторых, тем, что европейская культура во многом построена именно на греческих традициях. Так или иначе, все европейцы имеют хоть какое-то представление об олимпийских богах. Наша же страна, как бы мы к этому ни относились, уже пятый век идет по пути европеизации, в том числе и в культурном смысле. Во всяком случае, в России Зевса, Афины и Аполлона знают намного лучше, чем славянских Дажьбога, Семаргла и Макошь.

Каково же было мое удивление, когда на наших занятиях, во время практики активного воображения, основанной, напомним, на греческой мифологии, участницы одна за другой начали описывать образы, явно относящиеся к славянским мифам и фольклору! Мой опыт работы был еще недостаточно велик, чтобы делать предположения о существовании неких «генетических» или «национальных» архетипических образов, более близких русской душе, нежели общечеловеческие коллективные идеи. И тем не менее изучение славянской мифологии стало для меня необходимостью. Чем больше я углублялась в психоархеологические раскопки в поисках славянских особых архетипических черт, сокрытых под культурными слоями той самой европеизации и еще более ранней христианизации, тем абсурднее мне казались собственные сомнения в начале исследования. Безусловно, базовые архетипы, выведенные Юнгом (такие как Тень, Персона, Анима и Анимус, Великая Мать и другие), являются общими ядерными идеями для всего человечества, но в определенных слоях бессознательного они отчетливо приобретают этнические черты.

Национальная психика, на мой взгляд, является отдельным пластом, пролегающим между индивидуальным бессознательным — «областью Фрейда», вместилищем подавленных, вытесненных за границы сознания идей и влечений конкретного человека, — и коллективным бессознательным, «сферой

Юнга», сокровищницей психического мира всего человечества. Более того, можно предположить, что этот срединный пласт выполняет еще и связующую функцию между первым и вторым, — в том смысле, что культурные, родовые и семейные паттерны, то есть образцы поведения, заимствованные непосредственно по родственной линии, помогают индивиду приспособить собственную уникальную психику к общечеловеческим душевным инстинктам, какowymi и являются базовые архетипы.

Национальные или родовые архетипы — это та почва, на которой формируется менталитет: мировоззрение, образ мысли, представление нормы. То есть коллективные архетипы — это лишь повод к мысли, некая интенция, требование, влечение, а вот сам процесс осмысления уже проходит сквозь национальный культурный слой. Иными словами, каждое свое побуждение, желание или намерение, является ли оно внутренним порывом или реакцией на внешнюю ситуацию, мы бессознательно сравниваем с опытом предков, и лишь пропустив его через «потомственный фильтр», принимаем к сознательному рассмотрению и последующему воплощению в реальности или же отвергаем как нечто недопустимое.

Позволю себе привести пример, весьма далекий от темы этой книги. Давайте представим себе, что нам нужно объяснить представителю внесемной расы, кто мы такие. Для того чтобы он понял нас, пришлось бы пойти от общего к частному: я человек, я женщина, я русская, моя фамилия Сергеева, меня зовут Саша (именно Саша, а не Александра Александровна, об этом далее).

Первая идентификация: «человек». С биологической точки зрения это означает мою принадлежность к виду *Homo Sapiens* со всеми вытекающими морфофизиологическими последствиями (определенная анатомия, жизненные циклы, способность к членораздельной речи и абстрактному мышлению). Я обладаю свойственными виду инстинктами — динамическими программами, определяющими поведение на биологическом уровне.

С психологической точки зрения моя человеческая природа означает, что фундаментом моей личности являются общечеловеческие универсальные модели, схемы и мотивы — архетипы. Проследить их можно в поведенческих проявлениях, связанных с основными и, опять-таки, универсальными для всего моего вида вехами: рождением, инициацией, браком, конкуренцией, материнством, серьезной утратой или важным обретением и т. д. Архетип — регулятор моей психической жизни, как инстинкт — регулятор жизни телесной.

Наш предполагаемый собеседник-гуманоид может выявить человеческие инстинкты, наблюдая за единообразием в биологическом поведении любой особи нашего вида, а архетипы — созерцая тождественность психических явлений. Именно связь инстинктов и архетипов может рассматриваться как взаимодействие души и тела, а их совокупность и дает представление о человеке.

Вторая идентификация: «женщина». С биологической точки зрения это означает отсутствие у меня Y-хромосомы, наличие первичных и вторичных

половых признаков, способность к деторождению и вскармливанию потомства.

Что касается моей души, я имею гендерные психологические особенности, отличающие меня от другой половины человечества. В общих чертах это преобладание интуиции над логикой. Если более развернуто, то мое сознание и психическая активность в большей степени определяются принципом Эроса (принципом Инь) — способностью к построению связей, соединению, склонностью к обобщению. Моя потребность в близости, каких бы социальных успехов я ни достигала, всегда будет больше, нежели потребность во власти. Логос — принцип логики и структуры, дающий возможность различать, разграничивать и рассуждать, мужской принцип, или принцип Ян, — является во мне вторичным и реализуется посредством Анимуса (от лат. *animus*, «дух»). То есть я сначала чувствую и лишь потом рассуждаю, в то время как у мужчины всё наоборот. Его способность чувствовать персонифицирована в Аниме (от лат. *anima*, «душа») — феминной части мужской психики. Об Аниме и Анимусе мы еще будем много говорить в этой книге.

Третья идентификация: «русская». О биологических особенностях здесь можно сказать немного: я принадлежу к европеоидной расе, мои антропологические показатели в основном совпадают со средними западноевропейскими величинами, кроме более светлых волос, меньшего оволосения, слабо развитого надбровья и почти прямого лба.

А вот что касается души, то моя принадлежность к русскому этносу придает мне весьма характерные особенности.

У архетипа есть множество способов воплотиться в жизни человека, он может реализовываться в самых разных сценариях. Например, архетип Великой Матери может актуализироваться непосредственно в рождении и воспитании детей. Но потребность *выращивать* можно претворять в жизнь и возделывая собственный огород или разводя породистых морских свинок, можно работать воспитателем или следователем в детской комнате милиции, а можно «усыновлять и удочерять» всех подряд, изводя взрослых людей своей гиперопекой. И наоборот, взрослые люди, которые либо недополучили в детстве материнской любви, либо, напротив, привыкли к удушающей сверхзаботе, ищут маму в каждом — друге, коллеге, партнере, начальнике и даже собственном подрастающем ребенке. В русской же культуре, в силу особой национальной депривации, о которой мы поговорим позже, сложился еще и очень специфический архетипический образ Матушки Руси — этакой многострадальной, всеблагой и всепрощающей старушки, перед которой, однако, все находятся в неоплатном долгу.

Вследствие особой истории формирования в каждом этносе закрепляется ограниченный спектр макро-паттернов. Даже просто перечислять их, а тем более попытаться схематизировать уже в первой главе, было бы с моей стороны весьма самонадеянно, поэтому я могу лишь предложить нашему вообра-

жаемому инопланетному визави обратиться к следующим главам этой книги. Здесь же достаточно отметить, что национальный характер, как и характер индивидуальный, определяется выбором психологических стратегий — тех реакций, которые усваиваются на бессознательном уровне и используются для защиты своей индивидуальной душевной структуры. Они являются адаптивными способами переживания мира. Выбор таких защит зависит от множества факторов.

Врожденный темперамент

Восточные славяне, как и все оседлые народы, флегматичны. Это отнюдь не значит, что каждый русский, украинец и белорус — флегматики, такова лишь общая тенденция. У восточных славян существует социальное одобрение таких качеств, как неторопливость, невозмутимость, сдержанность и т. п.

Окружающая среда

Это и климат, и географические условия. Например, у нас существует поговорка «где родился, там и пригодился», ведь в старину по причине сурового климата и огромных расстояний путешествовать было просто опасно. Все, что находилось дальше соседней деревни, считалось враждебной чужбиной. Заметьте: ни в одной былине богатыри не захватывают чужих земель — свою бы сохранить. Отсюда такие национальные черты, как ригидность и конформизм: «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», «с родной земли — умри, не сходи».

Национальные травмы

Это и слишком ранняя, с точки зрения этнического возраста, насильственная христианизация, и тирания Ивана Грозного, Петра I и Иосифа Сталина, и монголо-татарское иго, и недавняя, в сравнении с более чем тысячелетним возрастом нации, революция. К слову, все самые значимые в истории правители являлись русскому народу вовсе не родными царями-батюшками, а отчимами: Рюриковичи — варяги; последний из них, Иван Грозный, — по материнской линии потомок Мамая, по бабке по отцовской линии еврей-сефард, по прабабушке Софье — византиец; Петр Великий по матери — хазарин; Сталин — грузин. Поэтому в сознании народа существуют два столь разных понятия — *родина* и *отечество*. Первое — это все та же несчастная Русь Матушка, угнетаемая иноземным мужем, правителем-тираном, второе — и сам отчим-деспот, и символизируемая им государственность. Русские не любят власть — никогда, никакую и ни при каких условиях, даже когда избирают ее сами! Мечта любого пасынка — вырасти и отомстить приемному отцу за себя и еще в большей степени за мать. Часто так и получается, как только отрок почувствует в себе окрепшую силушку молодецкую: в основном, впервые «приняв на грудь», он действительно учиняет над отчимом кулачную расправу. Русскому народу это

тоже однажды удалось — я имею в виду Октябрьскую революцию. Однако Русь Матушка вскоре вновь была выдана за грузинского правителя, и история повторилась в еще более жестокой форме, чем когда-либо прежде.

Динамический стереотип (результат положительного подкрепления)

Это свойство психики как отдельного индивида, так и этноса. Сводится оно к очень простой формуле «от добра добра не ищут»: если единожды нечто сработало удовлетворительно, то есть ни к смерти, ни к большой трагедии не привело, — нечего и искать другие способы. Несмотря на то что по мере развития психики как индивиду, так и этносу в принципе становятся доступны куда более продуктивные модели поведения, бессознательно будут выбираться все равно старые, опробованные «дедовские способы», ибо они имеют клеймо «для жизни не опасно». Здесь я позволю себе воздержаться от какого-либо конкретного примера, так как имя им легион. Любой архетипический паттерн становится таковым именно благодаря некогда пройденному тесту на адаптивность.

Таким образом, мое определение «русская» превращает меня из *Homo Sapiens* в *Homo Patrimoniens* — Человека Наследующего, что еще ярче проявляется в **четвертой идентификации: «Сергеева»**. Слово *фамилия* означает «семья». Это связь с конкретным родом, с сотнями поколений предков, в результате передачи генетического материала и духовного опыта которых появилась я. К слову, на Руси было позорно прослыть «Иваном, своего родства не помнящим»; человек «без роду, без племени» считался вовсе недочеловеком. При знакомстве же задавался не только вопрос «как звать тебя?», но и «чей ты будешь?»: имя просто позволяло обращаться к новому человеку — «звать его», ответ же на второй вопрос давал представление о том, *каков* он, новый знакомец, каковы его взгляды, нормы и ценности.

Правда, у женщин с семейной идентификацией все обстоит сложнее — вступая в брак, мы берем фамилию супруга. На психическом уровне это означает, что мы принимаем устои, традиции и нормативные принципы семьи мужа. Конечно, в современном мире по меньшей мере подразумевается, что супруги строят партнерские отношения и формируют свой собственный жизненный уклад на стыке систем обеих родительских семей, а преуспевшие в самопознании еще и создают собственные уникальные семейные модели. Однако *архетипически* смена фамилии означает смену семьи и родовой самоидентификации. Впрочем, в восточнославянской традиции женщина сохраняет реальный атрибут связи с родом после вступления в брак через *отчество*. Кроме того, за все время работы в качестве аналитического психолога мне, пожалуй, не

встретилось ни одной замужней женщины, которая на сессиях, погружаясь в глубины бессознательного, время от времени не называла бы себя девичьей фамилией.

Итак, с точки зрения биологии, моя фамильная идентификация означает большую конкретизацию морфофизиологических черт предыдущих уровней — вида, расы, национальности: у меня вторая группа крови, зеленые глаза, рыжеватые волосы и т. д.

А с психологической точки зрения моя принадлежность к определенному роду, семье означает еще большую детализацию общечеловеческих архетипических паттернов. Если на национальном уровне весь духовный опыт и потенциал человечества был пропущен через «фильтр грубой очистки», то на уровне семейном мои предки подвергли эти национальные остатки еще и «микро-филтрации».

Таким образом, из всего духовного богатства мира я получила в наследство лишь мизерную долю человеческих возможностей. Если сравнивать коллективное бессознательное (весь психический опыт человечества) с совокупностью всех земных территорий, то из невероятного изобилия целого мира — лесов, лугов, степей, гор, морей, пустынь и океанов — мне причитается освоить и возделывать лишь крошечный клочок земли.

И первую треть своей жизни я буду заниматься именно этим — так как задачей молодости является социализация, процесс усвоения образцов поведения, психологических установок, норм и ценностей своего окружения, освоения знаний и навыков, позволяющих влиться в систему. Проще говоря, цель социализации — это пресловутое «не хуже, чем у всех». Естественно, под «всеми» подразумевается весьма узкий круг людей, а мерилom этого «хуже» или «не хуже» являются семейно-родовые традиции и нормы ближайшего окружения.

Следовательно, несмотря на то что мои гены и моя психика содержат в себе опыт и потенциал всего человечества, по рождению я получаю в надел даже не «участок в шесть соток», а чуть ли не клетку. Конечно, речь идет о внутреннем психическом пространстве, где прутьями клетки являются нормы, убеждения, ценности и установки.

Самой большой сложностью для индивидуальности является то, что этот «культурный сплав» усваивается бессознательно, всецело, безусловно и вне зависимости от личного опыта, а посему практически никогда не доходит до порога сознания и не подвергается критике. Высоко социализированные люди, то есть крепко встроенные в общество, надежно вмонтированные в свои «социальные ячейки», как правило, и помыслить не могут о том, что те способы, мнения и решения, которыми они руководствуются в жизни, пропущены через «нормативные фильтры» и вовсе не являются ни истиной, ни предопределенностью, ни тем более результатом свободного выбора. Этот выбор был сделан за них давным-давно их предшественниками. Внутренние ограничения

проецируются* на внешний мир. Установки внешнего мира, транслируемые значимыми людьми, в том числе и невербально, интроецируются**. Этот двусторонний процесс не оставляет бесхитростной, доверчивой душе никаких шансов увидеть самостоятельно хоть какие-то реальные альтернативы данному выбору.

«А что случится, если вы все-таки не выйдете замуж до тридцати лет?» — задаю я девушке-клиенту обыкновенный вопрос. С минуту она смотрит на меня как на умалишенную, словно я поинтересовалась, не собирается ли она вживить себе жабры или переехать на Сатурн. Затем следует взрыв возмущения: мама родила ее в двадцать, сестры вышли замуж до двадцати пяти, а ей до «критического возраста» остался всего год! И проходит от получаса до нескольких сессий, прежде чем она принимает идею о том, что никаких «крайних сроков», кроме как в ее голове, больше нигде не существует, что можно спокойно продолжать карьеру, творческие проекты, самообразование и ждать человека, которого она действительно полюбит, вместо того чтобы выйти замуж за первого встречного лишь потому, что «пора» и «так принято».

А что произойдет, если вы отпустите нелюбимого вами мужчину к женщине, которой он по-настоящему нужен?

А что произойдет, если вы определите маму в специализированное медицинское учреждение, вместо того чтобы самому играть роль сиделки?

А что произойдет, если вы на время декрета все-таки доверите мужу финансовую заботу о себе?

А что произойдет, если вы все-таки позволите сыну самому разбираться со своими долгами?

А что произойдет, если вы все-таки рискнете отправить свои стихи в издательство?

Вот те простейшие вопросы, которые я задавала клиентам на последнем групповом занятии. Но в первые мгновения на меня смотрят с таким же изумлением, как, по-видимому, смотрел бы сейчас наш вымышленный инопланетный собеседник, гадая, что же это за механизм такой в человеческой психике, который способен так исказить, деформировать и сузить реальность.

* *Проекция* (от лат. *projectio*, «бросание вперед») — бессознательный процесс, защищающий собственное сознание от собственных же нежелательных проявлений, в результате которого внутреннее ошибочно воспринимается как приходящее извне. Человек приписывает кому-то или чему-то собственные мысли, чувства, мотивы, черты характера и пр. Процесс проекции впервые описан Зигмундом Фрейдом.

** *Интроекция* (от лат. *intro*, «внутри», и *iacio*, «бросаю, кладу») — бессознательный процесс, защищающий сознание от нежелательных проявлений внешнего мира, в результате которого внешнее ошибочно воспринимается как происходящее в самом индивиде: включение в свой внутренний мир чужих взглядов, мотивов, установок и пр., как если бы они были порождением собственного опыта. Термин впервые был предложен Шандором Ференци.

Да, архетипические паттерны, принимающие форму традиций, норм и ценностей рода, семьи, окружения, являются теми тропами, без освоения которых мы не сможем найти путь к другим людям. Но, с другой стороны, слепое следование им без осознания того, что есть и собственные потаенные тропки, которые позволяют то сократить путь, а то и выйти на ранее неизведанную тропинку, превращают нас в белку в колесе или в биороботов — структурных клонов наших предков (внешние отличия есть, но жизненные схемы все те же).

На этой минорной ноте мне бы и оставалось только с пафосной тоской продекламировать нашему гуманоиду блоковское «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека», но в жизни, в отличие от упомянутого стихотворения, «исход» есть. Дело в том, что эволюция, благодаря которой инопланетный гость мог бы общаться с нами вместо созерцания безмолвных и безмозглых инфузорий, происходит вследствие двух *противоположных* процессов. Первый — это *наследственность*, о которой мы рассказали уже достаточно. А второй — *изменчивость*. Обе эти тенденции охватывают как биологическую, так и духовную сферу.

И здесь мы наконец-то подходим к последней, **пятой идентификации: «Саша»**. Именно «Саша», а не «Александра», потому что так я называю себя сама. Это комплекс моих убеждений относительно собственной личности, что отнюдь не является полной величиной, так как, по сравнению со всей психикой, сознание является лишь верхушкой айсберга, основной же массив скрыт в пучинах бессознательного. Поэтому, даже несмотря на то что я обладаю большими познаниями о собственной душе, нежели непсихолог, моя осведомленность о своих глубинных психических процессах столь же мала, как и знания врача о протекании метаболизма в собственном теле.

Но если у людей-неспециалистов есть хоть какие-то общие сведения о физиологической и анатомической структуре собственного тела, почерпнутые из школьного курса биологии, то знания о душе остаются тайной за семью печатями, так как не входят в круг общеобразовательных предметов. И это оправдано системой, ибо условием ее существования является стабильность — то есть именно наследование и копирование проверенных, жизнеспособных паттернов.

Однако если система слишком долгое время остается закрытой, не получает подпитки извне, она закостенеет и становится нежизнеспособной — старые ресурсы рано или поздно вырабатываются, и она поедает саму себя изнутри. Поэтому наряду с наследственностью, как мы уже упомянули, существует противоположная движущая сила — изменчивость, которая обеспечивает способность к обновлению и освоению новых поведенческих навыков, как в биологическом, так и в духовном смысле.

На биологическом уровне эта тенденция выражена во мне самой природой — индивидуальность уже дана мне физиологически и анатомически от рождения. Я, как и каждый человек, уникальна. В точности такого же сочета-

ния цвета глаз, волос, пропорций тела, строения внутренних органов не было за всю историю человечества, нет сейчас и не будет никогда.

Тогда логично предположить: раз уж природа так позаботилась о моей телесной уникальности, то моя индивидуальность должна выражаться и психически. Все универсальные душевные силы и способности человеческой расы, то есть архетипы, в каждом индивиде складываются в особую комбинацию. Каждый человек обладает своей неповторимой врожденной психологической структурой. И только проживая жизнь в соответствии с этой структурой, он может стать не просто «статистической единицей», а самобытной личностью, воплотившей свою природную уникальность.

Этот процесс Юнг называет *индивидуацией*, что означает «неделимость» (*individuation*). В результате этого процесса, как подсказывает сама этимология слова, человек обретает целостность души. Проще это можно назвать *самостоятельством, саморазвитием, самопознанием*. Ключевой здесь является морфема *само-*, так как в этом процессе человек остается один на один с самим собой, а общество скорее будет противиться, нежели оказывать поддержку. Подвиги совершаются в одиночку! И отважится на это отнюдь не каждый. Забегая вперед, скажем, что именно этот процесс метафорически описывают все героические мифы и сказки.

Индивидуация является задачей второй половины жизни, недаром возраст всех мифологических героев — тридцать три года. Наш гость из других миров наверняка был бы немало удивлен таким парадоксом: нам, землянам, нужно сначала познать других, чтобы иметь возможность познать себя! Самостоятельство возможно только после прохождения первого этапа — *социализации*, посвящения во внешний мир, приобщения к социуму. Только познав в значительной степени общество, став его частью, проще говоря, обретя уже упоминавшееся «не хуже, чем у всех», человек имеет шанс пройти посвящение в мир внутренний.

Самостоятельство — это процесс разграничения психики индивидуальной и коллективной: семейной, родовой, национальной, общечеловеческой. Осмелившийся вступить на этот путь обретает способность видеть разницу между идеями и ценностями, порожденными собственным «я», и общественными тезисами, которые он впитал ранее из окружающего мира. Эта дифференциация собственного «я» от коллективных норм позволяет ощутить себя намного бóльшим, нежели просто придатком общества, семьи или группы. Личность осознаёт, что у нее есть собственные ценности и потребности, воплощение которых в реальной жизни и является целью уникального от рождения «я» — исключительного творения Природы с исключительной миссией в этом мире.

Конечно, слово «миссия» звучит чересчур пафосно. Однако это не обязательно нечто грандиозное. Истинным предназначением человека может быть починка обуви, выращивание цветов, воспитание детей, в то время как семейные традиции, например, толкают его на написание диссертации. И наобо-

рот, сын рыбных промышленников из деревни близ Архангельска может стать первым российским академиком, а девочка из приюта — законодательницей мод и одной из самых влиятельных людей XX века*. А случается родиться и в «своем гнезде»: например, отец Моцарта был лучшим музыкальным педагогом своего времени (здесь нужно заметить, что состояться профессионально еще не значит быть счастливым и целостным). В любом случае осмысление своего предназначения в самом широком смысле этого слова, вопреки или согласно ценностям и нормам ближайшего окружения, и будет расширением сферы сознания, раскрытием собственной сокровенной природы, следованием главному жизненному пути.

Эту сокровенную природу, неповторимую структуру каждого индивида и каждой вещи, словом, все то, что является некой самостоятельной единицей, Платон называл *эйдосом* — внутренней формой бытия вещей, тем подлинным, что дается в умопостижении, в отличие от простого мнения. К слову, «мнение» в античной философии является антонимом достоверного знания и истины; это всего лишь то, что принимается на веру от других людей.

Юнг называет этот феномен Самостью, а путь к ней — *индивидуацией*, или «восамлением»: *«Самость является нашей жизненной целью, так как она есть завершенное выражение этой роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью...³ [Самость есть] образ жизненной цели, независимый от желаний или страхов сознания...⁴ С таким же успехом ее можно назвать “богом в нас”⁵»*.

Создатель онтопсихологии А. Менегетти дает этому «базовому проекту природы, образующему человеческое существо»⁶ название Онто Ин-се (от лат. «бытие в себе») и объясняет его как энергетическое ядро, структурирующее психобиологическую сущность индивида. Самореализацией в таком случае является совпадение деятельности человека в историческом процессе с его природным Онто Ин-се. И чем больше это совпадение, тем эффективнее личность, тем более оптимальны ее решения в каких бы то ни было вопросах, тем она, в конце концов, счастливее, ведь тот, кто не обманывает себя, не ведает ни страха, ни тоски.

Индивидуальное и уникальное никогда не является нормой. Поэтому самостановление, вне всякого сомнения, предполагает определенное противопоставление личности социальным традициям и порядкам, не имеющим абсолютной ценности. Человек посредством возрастающего самосознания все меньше доверяет безусловным общественным доктринам. Он руководствуется собственным разумением и чутьем в вопросах о том, стоит ли «играть свеч», а «овчинка выделки», является ли наилучшим выбором и пределом возможностей для него та самая «синица в руках» и действительно ли он «сгодится только там, где родился».

* Конечно, я имею в виду Михаила Ломоносова и Коко Шанель. Эти примеры абсолютно случайны — просто они первыми пришли мне в голову.

В то же время чрезвычайно важно осознавать, что индивидуация ни в коем случае не приравнивается к эгоцентричности и индивидуализму. Ее задача — не отгородиться от мира, а собрать для человека целый мир. Юнг неоднократно подчеркивает в своих трудах, что наилучшее состояние — это сохранение личностной целостности при одновременном поддержании связи с коллективом, так как *«нет возможности индивидуации на вершине Эвереста, где тебя наверху никто не побеспокоит»*⁷. Понимание и принятие коллективной нормы индивиду все же необходимы. Даже если для воплощения собственной уникальности он избирает особые тропы, ему нужны ориентиры для установления плодотворных и взаимообогащающих отношений с другими.

Наиболее продуктивным и жизнеспособным может считаться то общество, где сохраняются коллективные ценности при возможно большей свободе и самодостаточности отдельной личности. Как ни прискорбно, это утопия. Большинство людей на всю жизнь увязают в процессе снискания своего заветного «не хуже, чем у всех». А снаружи («у всех») так много всего, что заглянуть внутрь не остается ни сил, ни времени, — путь белки в колесе бесконечен, там нет иного финиша, кроме физической смерти.

Но, как ни удивительно, это большинство — отнюдь не самые несчастные из землян. Дело в том, что у них есть незыблемая и несокрушимая иллюзия, что счастье где-то очень-очень близко, осталось только приобрести новый телефон, выйти замуж (жениться), получить образование, купить автомобиль, съездить на отдых, дорасти до такой-то должности, «пристроить» ребенка и т. д. и т. п. Каждое новоприобретение, как материальное, так и статусное, очень быстро разочаровывает, но тотчас же сакральной надеждой наделяется следующая цель. Неудовлетворенность внутренняя обманчиво воспринимается как недостаточность чего-то внешнего. Однако этот потребительский круговорот продуцирует неиссякаемую надежду, которая является отнюдь не самым мучительным чувством, хотя и призрачным. Нельзя не упомянуть, что именно на надежде держатся большинство мировых религий. Блажен, кто верует, и жить ему легко! Преувеличение, конечно: вовсе не легко, а просто сносно, не более.

Лишь единицы из представителей рода человеческого являются зрелыми личностями — теми, кто понял, что большинство общепринятых норм весьма относительно, теми, кто научился жить в соответствии со своей уникальной природой, реализуя способности, раскрывая таланты, совершенствуя навыки, приумножая знания, испытывая полную гамму человеческих чувств без вины и страха наказания.

Самые же многострадальные из нас — это те, кто замешкался на перепутье между «как у всех» и самореализацией. Это перепутье — зона невротического столкновения, где человек уже осознаёт, что «как у всех» ему не подходит, но перспектива оторваться от привычной среды еще внушает ему невообразимый ужас. На этом уровне развития личности возникает конфликт между «я знаю» и «говорят, что...». Здесь появляется выбор между общепринятым привычным

и собственным сокровенным, но пропадает возможность избежать этого выбора. Здесь очень хочется, чтобы и овцы остались целы, и волки сыты, но так не бывает! Продолжать соответствовать требованиям ближайшего окружения (которые ведь воспринимаются как единственно верные!) и высвободить индивидуальные потребности одновременно невозможно. Герою на первом этапе индивидуации приходится покинуть привычную зону комфорта.

И еще раз хочется подчеркнуть, что от социализации человеку не уйти: общество включает индивида в этот процесс без его ведома, если только ему не «посчастливилось» повторить жизнь Маугли, не удалось сбежать в психоз (что в действительности является последним бастионом психики, защищающей от непереносимой реальности) или не случилось умереть в младенческом возрасте. Индивидуация же — сугубо личный процесс и выбор, помощником здесь является только психолог, однако без собственной работы, соотносимой с героическим подвигом, герою не побороть драконов собственной души, не найти причитающихся лишь ему сокровищ и не воцариться на престоле собственного государства — целостного микромира, созданного согласно личным нормам, правилам и желаниям.

Поэтому книга, которую вы сейчас держите в руках, конечно, посвящается тем, кто рискнул отправиться по пути индивидуации, а также их бесстрашным помощникам-проводникам, моим коллегам — аналитическим психологам.

И здесь нам наконец следует попрощаться с любезным гуманоидом, которому я, пожалуй, изрядно заморочила голову, и перейти к основной части книги.

Научно-популярное издание

Александра Сергеева

ДОРОГА В ТРИДЕСЯТОЕ ЦАРСТВО
Славянские архетипы в мифах и сказках

Редактор: *А. Костенко*

Корректоры: *Е. Яковенко, Т. Селезнева*

Оригинал-макет: *Г. Булавко*

Обложка: *И. Дерий*

ООО Книжное издательство «София»
115191, г. Москва, Гамсоновский пер., д. 2, стр. 1

Для дополнительной информации:
Издательство «София»
04073, Украина, Киев-73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 31.08.2016 г.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 29,81.
Тираж 4000 экз. Зак.

Отделы оптовой реализации
издательства «София»
в Киеве: +38(044) 492-05-10, 492-05-15
в Москве: +7(499) 643-43-03
в Санкт-Петербурге: +7(812) 676-07-68

www.sophia.ru

Мы в соцсетях
facebook.com/SophiaBooks
vk.com/sophia_publishing
[instagram: sophia_publisher](https://instagram.com/sophia_publisher)